

На правах рукописи

Т. Мороз

МОРОЗОВА Татьяна Ивановна

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ САМООРГАНИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА**

Специальность 22.00.08 – Социология управления

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Белгород – 2013

Диссертация выполнена на кафедре социальных технологий
ФГОУ ВПО Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

- Научный консультант:** доктор социологических наук, профессор
Дятченко Леонид Яковлевич
- Официальные оппоненты:** **Чупров Владимир Ильич**, доктор социологических наук, профессор Института социально-политических исследований РАН, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи
Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», заведующий кафедрой философии
Ховрин Андрей Юрьевич, доктор социологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», профессор кафедры государственного, муниципального управления, правопедения и психологии
- Ведущая организация:** ФГАОУ ВПО «Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», кафедра социологии и социальных технологий управления (г. Екатеринбург)

Защита состоится 30 мая 2013 года в 12.00 часов на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д. 212.015.02 в Белгородском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Автореферат разослан 25 апреля 2013 года и размещен на официальном сайте ВАК Минобрнауки РФ (http://vak.ed.gov.ru/ru/announcements_1/sociology_sciences/), на официальном сайте Белгородского государственного национального исследовательского университета (<http://www.bsu.edu.ru>).

Ученый секретарь
Совета по защите докторских
и кандидатских диссертаций Д 212.015.02

Надуткина И. Э.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Положение молодежи во все исторические периоды являлось предметом внимания общественных сил, прежде всего, органов власти и управления. Молодежь всегда представляла собой вызов социуму, параметры молодежного сознания, как правило, не укладывались в рамки общепринятого, что провоцировало никогда не затухающие дискуссии.

Одними из дискуссионных аспектов становятся в последнее время способность и готовность современной молодежи к самоорганизации. В трактовке данной проблемы нередко проявляются крайние точки зрения – от отрицания самой возможности конструктивных самоорганизационных процессов в молодежной среде до призыва к возрождению практики тотального объединения молодых людей в организации, аналогичные советскому комсомолу. Очевидно, что вопрос о самоорганизации молодежи крайне важен. При этом значимость его проявляется как в теоретическом, так и в практическом отношении. В теоретическом контексте решение проблемы самоорганизации молодежи создает условия для осмысления тенденций социализации молодого поколения, формирования его идентичности, которая, действительно, становится все более проблематичной. Общество вместо того, чтобы производить нужных ему людей, все чаще формирует либо нонконформистский тип личности, ориентирующийся на иные культуры, либо «продуцирует» социальных дезертиров, которые не стремятся (да и оказываются неспособными) создавать порядок из хаоса, конструировать перспективные модели социума и предпочитают самореализоваться за пределами России.

Ситуацию принципиально не меняют попытки стимулировать деятельность молодежных объединений, создавать на их основе квазипартийные структуры, ориентированные на поддержку власти. Не меняют ее и противоположные процессы формирования оппозиционных власти движений, поскольку и в том, и в другом случае самоорганизация затрагивает лишь поверхностные слои бытия молодежи, не трансформируя субкультурных смыслов ее существования. Самоорганизация молодых людей нередко по-прежнему рассматривается как чисто формальный процесс ее объединения и «добровольно-принудительного» включения в решение общественных проблем. При этом преобладает их «взрослое» прочтение, довольно часто не совпадающее с оценками самой молодежи.

Очевидно, понятие «самоорганизация молодежи» в современном контексте требует более широкой трактовки, способной существенно изменить вектор практической политики. Самоорганизацию следует рассматривать как одну из важнейших характеристик молодежного сознания и поведения. В широком значении данного понятия самоорганизация молодежи представляет собой процесс упорядочивания внутренних и внешних связей молодежи, как особой социально-демографической группы, ее отдельных подструктур и личностей под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения. Самоорганизация проявляется как многоуровневый и многовекторный процесс, который допустимо разделить на несколько составляющих.

Во-первых, она представляет собой формирование системы связей между молодежью и различными социальными институтами. В условиях России, в первую очередь – между молодежью и государством. Во-вторых, самоорганизация выражается в упорядочивании межличностных отношений между молодыми людьми, которые в трансформирующемся российском обществе носят по преимуществу неформальный характер. В-третьих, в качестве отдельного направления самоорганизации целесообразно выделить процессы формирования молодежных объединений формального и неформального типов. Однако, несмотря на то, что число молодежных и детских организаций в России превысило 400 тысяч, степень их влияния на молодое поколение остается низкой.

Наконец, в-четвертых, самоорганизация проявляется как саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии. Последнее направление, возможно, является наиболее важным, поскольку именно на диспозиционном уровне формируются основные интенции личности, проявляющиеся впоследствии в ее конкретных действиях.

В то же время вполне объяснимо стремление практиков свести самоорганизующиеся процессы, главным образом, к проблемам общения и объединения. Именно они чаще всего фиксируются социологами и специалистами по работе с молодежью, которая довольно стремительно перестает быть коллективистской и взаимопонимающей. По меньшей мере, это происходит на уровне больших социальных общностей, что довольно нетипично для отечественной культурной традиции. Общение на уровне компаний друзей или формальных групп, например, студенческих, зачастую становится единственным видом коллективного действия для большого числа молодых людей.

Данная тенденция, которую вполне допустимо определить как тенденцию к «атомизации», проявляется в течение почти двадцати лет и связана с качественными изменениями в ценностно-смысловых установках молодых людей и российском социуме в целом. Преобладание престижно-потребительских установок во многих отношениях явилось естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных (и в большинстве случаев – квазирыночных) принципов в экономику. Мировоззрение ультралиберализма привело к тому, что «активность масс молодежи в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в «общество потребления». Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека – «человека потребляющего».

В результате уже в 1990-е годы в сознании значительной части молодежи начал появляться когнитивно-ценностный диссонанс, который, вероятно, наиболее ярко выражается в противоречии между личными смысложизненными ориентациями и установками, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения. Подобный диссонанс является одним из наглядных проявлений «рождения уникального явления – парадоксального человека» – процесса, т.е. который, очевидно, наиболее полно описан Ж.Т. Тощенко.

Безусловно, реалии 2000-х годов заметно изменили ситуацию в обществе и в молодежной среде. Это, прежде всего, проявилось в стабилизации социаль-

но-экономического и политического положения значительной части работающей молодежи. Данная тенденция сохранялась вплоть до финансово-экономического кризиса и проявляет свой инерционный потенциал до настоящего времени. В более или менее стабильной среде сформировался социальный запрос на активную гражданскую позицию молодых людей, который формулировался не только (а иногда и не столько) от имени государства, но от институтов, представляющих пока еще слабое и фрагментарное гражданское общество. Но, как показала практика, этот запрос не только не получил ответа в молодежной среде, но вряд ли был даже услышан большинством ее представителей. Негативная реакция на него была довольно типична в российской провинции, молодежь которой оказалась наименее готова к гражданскому участию.

Вполне естественно, что природа пассивности молодежи требует глубокого философского и социологического анализа. Здесь многое далеко не очевидно и не однозначно. Исследования, проведенные социологами в Белгородской области и ряде соседних регионов, позволили сделать вывод о крайней сложности социальных процессов в молодежной среде, а также о том, что многие специфические черты поведения представителей этой социально-демографической группы детерминированы характером ценностно-целевых установок, которые далеко не адекватны вызовам, предъявляемым к молодежи обществом. Установка на индивидуализм и утилитаризм в отношениях к окружающим и к самим себе в сочетании с фактором социального аутсайдерства значительной части молодых людей создала серьезные препятствия для самоорганизации и социальной активности. К сожалению, пока не оправдались надежды на то, что в относительно стабильном обществе молодежь приобретет способность эффективно отстаивать свои интересы. И крайне важно осмыслить, в какой мере способны изменить ситуацию действия государственных и общественных структур, но, в первую очередь, поведение самих молодых людей.

Таким образом, можно утверждать, что проблема самоорганизации молодежи в России должна рассматриваться в исключительно широком социальном контексте с учетом опыта исследований, накопленного как в советский, так и постсоветский периоды.

Особую актуальность данная проблема приобретает на региональном уровне, под которым в диссертации понимается уровень субъекта Российской Федерации. Для большинства российских регионов характерна высокая степень неопределенности социокультурного развития, определяющаяся преимущественно латентным конфликтом между традиционными ценностями и нормами и вызовами, которые предлагаются молодежи от имени так называемого цивилизованного (мирового) глобализирующегося сообщества. При этом значительная, если не подавляющая, часть молодых людей не обладают необходимым уровнем образования и компетентности, чтобы сделать обоснованный выбор жизненной стратегии, соответствующей их интересам и не ставящей под угрозу будущее российской (в основе своей – русской, православно-христианской) цивилизации и культуры.

В результате самоорганизационные процессы в молодежной среде нередко приобретают либо характер запрограммированных внешними (по отношению к

молодым людям) акторами, либо инициированных самими участниками деструктивных (девиантных и делинквентных) действий. Обе возможности следует считать непродуктивными как с учетом интересов самой молодежи (даже если они недостаточно осознаны ею), так и перспектив развития общества.

Именно поэтому становится исключительно актуальным вопрос о возможности конструктивного воздействия на процессы самоорганизации молодежи в российском обществе с целью их коррекции, заключающейся в предупреждении негативных по своим последствиям для молодежи и социума в целом тенденций. Проблемный характер перспектив такого воздействия определяется, во-первых, тем, что регуляция любого процесса связана с его приведением в состояние нормы. В данном случае речь идет о социализационной норме, определяющей пределы интеграции молодых людей в социум. Между тем, в современной России отсутствует ясное представление о такой норме. Во-вторых, очевидно, что, в силу специфических психофизиологических особенностей, поведение молодых людей в весьма малой степени подвержено регулируемому воздействию и является саморегулирующимся, по сути. Но, в то же время, издержки и недостатки стихийной саморегуляции довольно очевидны.

Сложившееся противоречие актуализирует потребность в осуществлении «мягкого регулирования» процессов самоорганизации, заключающегося в формировании благоприятных условий для реализации их конструктивных форм и предоставлении молодым людям возможностей самоопределения и саморегулирования как наиболее адекватных стратегии рефлексивного освоения мира, принципам информационного общества. Однако, чтобы быть успешной и не реанимировать дискредитировавшие себя формы принудительного воздействия эта деятельность должна базироваться на парадигмах, признающих самоценность и самостоятельность личности, и опираться на научные исследования социализации молодежи в нестабильной среде.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования определяется:

во-первых, необходимостью осмысления сущности и содержания процессов самоорганизации современной молодежи, относящихся к числу явлений, определяющих перспективы идентификации и самореализации данной социально-демографической группы;

во-вторых, важностью преодоления одномерного подхода к самоорганизации, рассматривающего ее в контексте создания и функционирования молодежных объединений;

в-третьих, значимостью для социологической теории и практики управления решения проблемы соотношения саморегуляции и внешней регуляции самоорганизационных процессов в молодежной среде, возможностей их коррекции в интересах молодежи и всего общества.

Степень научной разработанности проблемы. В зарубежной и отечественной традиции накоплен значительный опыт исследования молодежной проблематики. Он представлен работами таких авторов, как В.Я. Башкутов, В.С. Боровик, П. Бергер, Л.С. Выготский, С.С. Григорьев, Г. Гризе, С.Н. Иконникова, Л.Н. Коган, Ф. Коэн, С.А. Кугель, В.Ф. Левичева, Т. Лукман,

К. Мангейм, М. Мид, В.Г. Немировский, В.В. Павловский, Ф. Тенбрук, Л. Фойер, Ю. Халасинский, Т. Шельски, Э. Шпрангер, А. Шюц.

С конца 1960-х годов опубликованы сотни статей, монографий и учебных пособий, посвященных проблематике молодежи и молодежной культуры (работы Ю.Р. Вишневого, Л.А. Гегель, М.К. Горшкова, И.А. Гуськова, В.И. Добрыниной, В.В. Долгова, А.А. Козлова, Т.П. Долговой, А.С. Запесоцкого, Ю.А. Зубок, И.М. Ильинского, А.И. Ковалевой, Ю.В. Коврижных, Т.Н. Кухтевич, В.Т. Лисовского, Е.Л. Омельченко, Т.Э. Петровой, В.И. Чупрова).

Объектом исследования во многих публикациях являются вопросы социализации молодежи (работы Г.С. Ентелиса, О.Н. Козловой, В.А. Лукова, Т.Б. Щепанской, Д.Г. Щипановой и др.), социокультурных аспектов этого процесса (К.В. Сергеевой, И.Л. Шикова).

Довольно большое число исследований было посвящено управлению молодежной политикой и характеру возникающих при ее реализации проблем (исследования И.М. Ильинского, В.Т. Лисовского, В.К. Криворученко, А.И. Ковалевой, Т.Э. Петровой, В.А. Родионова, О.А. Рожнова). В последние годы предметом анализа в работах М.М. Бариева, Н.В. Волковой, О.В. Дегтяревой, В.В. Нехаева, А.Л. Темницкого и других авторов стали вопросы кадрового обеспечения молодежной политики.

В свое время в Институте молодежи (Москва) сложилась школа исследователей молодежной проблематики, возглавляемая И.М. Ильинским и представленная П.И. Бабочкиным, Е.А. Гришиной, А.И. Ковалевой, В.Ф. Левичевой, Б.А. Ручкиным, И.А. Суриной, А.И. Шендриком, Ф.Э. Шереги и др. Представители этой школы внесли значительный вклад в изучение проблем социализации молодежи в трансформирующемся социуме.

В Белгородской области процесс реализации государственной молодежной политики был исследован В.П. Бабинцевым, П.Н. Беспаленко, И.В. Бояриновой, В.М. Захаровым, О.В. Соловьевым.

Ряд исследователей в 90-е годы активно изучал проблемы девиантного поведения и криминальной активности молодежи. Анализ статистики молодежной преступности, выявление обуславливающих ее макро- и микросоциальных факторов, осуществленный в книгах и статьях Ю.А. Васильева, В.А. Васильевой, В.Ф. Пирожкова, представляет интерес для диссертации. В исследованиях А.А. Козлова рассматриваются проблемы молодежного экстремизма.

Весьма полно в отечественной исследовательской традиции представлена группа работ, посвященных изучению воспитательной деятельности в молодежной среде. Существенное значение для понимания проблем воспитания современной молодежи имеет и комплексное исследование молодежных ценностей.

В ряде публикаций и диссертационных исследований рассматриваются проблемы самоорганизации молодежи, правда, преимущественно в аспекте создания и функционирования молодежных объединений. Так, В.А. Суртаевым, С.А. Сергеевым, И.Ю. Сундиевым и другими авторами были предложены оригинальные типологии неформальных молодежных объединений. И.Н. Андреева, Н.Я. Голубкова, Л.Г. Новикова разработали различные подходы к периодизации неформального молодежного движения в России. М.С. Комаров,

И.Ю. Сундиев рассмотрели историю развития российских неформальных молодежных объединений; М.В. Блохина, Дятченко Л.Я. Л.Г. Григорьев, С.В. Косарецкая, Н.Н. Машина, А.И. Осипова, А.Л. Салагаев, Н.Ю. Синягина, И.М. Фадеева, А.В. Шашкин, А.А. Щегорцев и другие исследовали современные неформальные молодежные объединения.

Ряд работ посвящен теории и истории молодежного и детского движения в СССР и постсоветской России (публикации Л.В. Алиевой, И.Г. Гордина, В.А. Кудинова и др. авторов).

Для анализа специфики социокультурного развития региона представляют интерес работы по проблемам регионоведения и социологии регионов (Л.А. Беляева, Е. А. Когай, Н.И. Лапин, И.П. Рязанцев и др.), в том числе и отражающие специфику молодежи российской провинции.

В диссертации использованы теоретические разработки в сфере самоорганизации и проектирования, осуществленные В. Аршиновым, Е. Князевой, С. Курдюмовым, О.Г. Прикот, И.Р. Пригожиным, Я. Свирским и др.

В контексте темы исследования значительный интерес представляет монография Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, посвященная проблемам социальной регуляции в условиях неопределенности.

В российской и украинской социально-политической науке в последние годы активно разрабатываются вопросы социальных технологий (публикации Н.С. Данакина, Л.Я. Дятченко, В.И. Патрушева, В.Н. Иванова, Ю.П. Сурмина и других авторов). Результаты этих исследований важны при обосновании технологий регулирования процессов самоорганизации молодежи. Существенное значение имеют работы, посвященные проектному управлению (публикации Т.М. Дридзе, В.И. Курбатова, О.В. Курбатовой, В.А. Лукова, Г.А. Лукс). Представляют интерес, исследования внедрения социальных технологий в процесс разработки и реализации проектов в сфере государственной молодежной политики (П.Н. Беспаленко).

Тем не менее, процессы самоорганизации молодежи до настоящего времени недостаточно исследованы, не решены вопросы соотношения в них стихийности и целенаправленности, рациональности и иррациональности, нет ясности относительно технологий, обеспечивающих корректное воздействие на них в условиях общества риска.

Основная *проблема* исследования заключается в противоречии между все более ясным осознанием региональным сообществом и самой молодежью потребности в упорядочивании комплекса межличностных отношений и внутриличностных структур, их максимально возможной адаптации к специфике российского культурно-цивилизационного пространства в субъектах РФ и дефицитом концептуальных представлений о технологиях регулирования процессов самоорганизации в молодежной среде. В частности, в социологии молодежи отсутствует концепция ее самоорганизации, отражающая все аспекты этого многоуровневого и внутренне противоречивого процесса; не исследован самоорганизационный потенциал различных статусных групп молодых людей; не разработаны технологии внешнего регулирования самоорганизации.

Гипотеза исследования заключается в нескольких взаимосвязанных предположениях:

во-первых, поскольку в современном обществе процессы самоорганизации молодежи приобретают все более ярко выраженный социокультурный характер, эвристические возможности для их осмысления предоставляет анализ эволюции молодежной субкультуры, исследование, прежде всего, изменения молодежных ценностей и норм поведения;

во-вторых, поскольку в процессах самоорганизации молодежи на региональном уровне начинает все большую роль играть личностный фактор, их содержание и перспективы в значительной мере определяются характером присущей молодым людям социокультурной рефлексии;

в-третьих, принимая в качестве исходного положения утверждение, что развитие современной молодежи осуществляется в рамках, определяющихся двумя противоположными параметрами, с одной стороны, самоорганизацией; с другой стороны, «атомизацией», социализацию молодого поколения следует рассматривать как результирующую разрешения данного противоречия вследствие сочетания самоактивности личности и внешнего регулирования;

в-четвертых, имеющиеся эмпирические данные свидетельствуют о том, что «атомизация» молодежи в социокультурном пространстве региона преобладает над ее самоорганизацией, и, очевидно, существует комплекс обуславливающих это объективных и субъективных причин; скорее всего, к ним относятся: особенности социально-экономического развития России, выражающиеся в индивидуализации общественных практик, разрушении традиций коллективизма и солидарности, а также специфика личности современного молодого человека, недостаточно способного к рефлексивному освоению реальности и межличностному диалогу.

Объектом исследования является процесс взаимодействия социальных институтов и молодежи в нестабильной социальной среде российского региона.

Предмет исследования – технологии регулирования процессов самоорганизации молодежи в социокультурном региональном пространстве.

Цель исследования: концептуально обосновать формирование системы регулирования процесса самоорганизации молодежи в условиях региона.

Задачи исследования:

- теоретический анализ самоорганизации молодежи в нестабильной социокультурной среде;
- исследование социокультурной специфики самоорганизационных практик молодежи;
- анализ специфики социокультурного пространства региона как сферы самоорганизации молодежи;
- изучение проблемы самоорганизации в контексте рефлексивности молодежного сознания;
- выявление институциональных факторов самоорганизации молодежи;
- определение специфики коллективных форм самоорганизации молодежи;
- анализ проблем и противоречий самоорганизационных практик в молодежной среде;

- обоснование системы регулирования процессов самоорганизации молодежи на региональном уровне;
- разработка технологий регуляции самоорганизационных процессов в молодежной среде.

Теоретико-методологическая основа исследования. Диссертационное исследование основывается на фундаментальной теоретической базе классиков системного анализа (Л. фон Берталанфи, А.И. Уемов). В ходе работы использованы выводы о свойствах нелинейных систем, сформулированные в синергетике (В.А. Акчурин, К.Х. Делокаров, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, И. Пригожин, В.Л. Романов, И. Стенгерс, Г. Хакен и др.). В диссертации применяются положения теории автопоэзиса (У. Матурана и Ф. Варелы), рассматривающей процесс развития систем как реализацию их способности самонастраиваться и самодостраиваться в ответ на внутренние и внешние изменения.

При обосновании механизмов регулирования самоорганизационных процессов применялись выводы, сформулированные в ходе исследования феномена ценностей (В. Парето, П. Сорокин), роли ценностей в эпоху постмодерна (Р. Инглхарт); теория ценностно ориентированного управления (К. Майджер), а также методологические подходы к разработке технологий управления социальными процессами, обоснованные Л.Я. Дятченко, В.Н. Ивановым, Г.А. Котельниковым, В.Н. Патрушевым.

В качестве методов исследования использовался системный, социолого-синергетический и структурно-функциональный анализ, метод экспертных оценок. Для получения социологической информации применялся социологический опрос, наблюдение, анализ документации молодежных объединений, нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию государственной молодежной политики.

Обработка социологических данных осуществлялась с помощью система детерминационного анализа «ДА-системы». При этом применялся корреляционный и факторный анализ.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

- нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс реализации государственной молодежной политики и деятельность молодежных и детских общественных объединений на федеральном уровне;
- нормативно-правовые акты, регламентирующие молодежную политику на региональном уровне;
- региональные молодежные программы;
- результаты авторских исследований: социологического исследования «Самоорганизация и атомизация молодежи как формы социокультурной рефлексии», проведенного в Белгородской, Воронежской и Курской областях в два этапа: в 2008 году (массовый опрос молодежи $n = 1119$; экспертный опрос – 31 эксперт); в 2012 году (массовый опрос молодежи $n = 1496$; экспертный опрос – 14 экспертов). Исследование проводилось по методике многоступенчатой квотной выборки, где квотными признаками выступали место жительства, пол, возраст, род занятий; социологического исследования «Целевые и ценностные установки молодежи Белгородской области» (массовый опрос молодежи $n =$

500), проведенного в сентябре 2012 года; выборка квотная – квотными признаками выступали место жительства, пол, возраст, род занятий;

– вторичную обработку результатов общероссийских исследований других авторов (исследования проблем молодежи, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга в апреле 2009 года; исследования «Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты, осуществленного коллективом социологов «МАТИ» – Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского, 2008 год; исследований «Анализ положения молодежи и реализация молодежной политики в Российской Федерации» и «Управление процессами социальной активности молодежи в современных условиях», проведенных специалистами этого же учреждения ВПО, 2002 – 2006 гг.; социологического мониторинга «Студент – 2012, реализованного в 2011 – 2012 гг. социологами Уральского федерального университета);

– вторичную обработку результатов исследований, проведенных учеными Белгородского государственного национального исследовательского университета в Белгородской области и регионах Центрального федерального округа «Социальное аутсайдерство молодежи как источник опасностей и угроз в условиях пограничного региона» (2006 год, n = 500); «Социальное аутсайдерство молодежи в Белгородской области: причины, механизмы и социальные следствия» (2006 год, n = 500); «Причины распространения экстремизма и ксенофобии среди молодежи: Центральный федеральный округ» (2008 год, n = 3000); «Кадровое обеспечение государственной молодежной политики» (2008 год, n = 3000).

Научная новизна исследования:

– разработана системно-синергетическая концепция самоорганизации молодежи как внутренне противоречивого процесса субкультурных изменений, детерминированного переходом от патриархально-коллективистской к индивидуалистической модели ценностных паттернов в молодежном сознании и поведении на уровне личности, группы, ассоциации и всего общества;

– сформулированный в научной литературе концепт социокультурной рефлексии дополнен положением о ее решающей роли как основной интересубъективной детерминанты процессов самоорганизации молодежи, осуществлена авторская систематизация атрибутивных признаков рефлексии: чрезмерная замкнутость на личность субъекта; насыщенность сознания имиджевыми образами и симулякрами; играизация как типичная форма освоения реальности;

– предложена авторская интерпретация категории «атомизация молодежи», как адекватного обществу повышенного социального риска социализационного процесса, характеризующегося примитивизацией поведенческих реакций; утверждением утилитарно-практического отношения к реальности и построением индивидуальной модели социокультурного пространства путем его своеобразного «свертывания»;

– обоснована концепция социетальной модификации массового молодежного сознания на основе кластерного регулирования процессов самоорганизации, комплексной и качественной оценки субкультурных изменений в моло-

дежной среде; расширенного применения интеллектуальных технологий в организации работы с молодежью; «сетевизации» молодежной политики.

Положения, выносимые на защиту.

1. Системно-синергетический подход к исследованию самоорганизации молодежи позволяет рассматривать ее в качестве многопланового процесса упорядочивания внутренних и внешних связей представителей данной социально-демографической группы, конфигурирования личных диспозиций под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения. Это внутренне противоречивый процесс возникновения и функционирования нелинейной аутопойетической социальной системы на основе интеграции институциональной, субкультурной, организационной и личностной подсистем, находящихся в состоянии полисемантического взаимодействия.

2. В современном обществе процессы самоорганизации молодежи приобретают ярко выраженный социокультурный характер и требуют аксиологического анализа, акцентирующего внимание на ценностном аспекте проблемы. В аксиологическом контексте самоорганизационные процессы сводятся к постепенной, но вместе с тем радикальной смене ценностных парадигм. В результате их молодежным сознанием отторгается ценностно-смысловой комплекс, формирующийся на основе представлений, восходящих, в конечном итоге, к общинному (соборному) началу социальной жизни с его установками на солидарность и круговую поруку, на готовность и способность личности к социальному дарению. В свою очередь, активно утверждаются традиционные ценности западной индустриальной и постиндустриальной цивилизации: представление о человеке как деятельностном существе, рационализм, установка на инновации и прогресс, понимание власти не только как власти над личностью, но и над другими объектами, эффективные (то есть приводящие к запланированному результату при минимальных необоснованных издержках) знания и технологии.

3. Социокультурное пространство региона как комплекс условий для самоорганизации молодежи представляет собой исторически сформировавшуюся, но находящуюся в состоянии постоянного изменения систему культурных образований (ценностей, норм, символов, традиций), определяющих стандарты поведения молодых жителей субъектов Российской Федерации. Его характерными чертами, оказывающими наиболее значимое влияние на процесс самоорганизации молодежи, являются: культурные традиции, наличие сложившейся структуры ценностных паттернов, которые, различаясь в зависимости от их носителей, образуют относительно стабильную иерархию; дискретность; высокий уровень управляемости, несмотря на нестабильность и наличие широкого спектра рисков и угроз.

4. В процессах самоорганизации молодежи в региональном социокультурном пространстве наиболее значимую роль играет субъективный фактор, связанный со спецификой диспозиции участников и, особенно, с присущим им типом социокультурной рефлексии. Доминирующая роль рефлексии в формировании организационного порядка на групповом и индивидуальном уровнях определяется комплексом факторов: универсализацией имитационных практик в обществе постмодерна; радикальным изменением содержания рефлексивно-

сти, выражающемся в ее виртуализации, имитации и играизации. При этом рефлексивность приобретает все более индивидуализированный характер, ограничивая возможности субъектов социального действия и существенно препятствуя коллективистским формам самоорганизации.

5. В институциональном аспекте самоорганизация современной молодежи регионов ЦЧР представляет собой процесс преимущественно индивидуально мотивированного взаимодействия с различными социальными институтами, в котором факторы внутренней организации, коллективного сознания играют крайне незначительную роль. Для этого взаимодействия типичны заметная делегитимация государственной власти; наличие барьеров, препятствующих реальному участию молодых людей в управлении обществом; ориентация в ходе него на внеинституциональные формы; низкий авторитет в молодежной среде политических партий и общественных объединений; формальное восприятие доминирующей на данной территории православной христианской религии, не способствующее самоорганизации на конфессиональной основе.

6. Коллективные формы самоорганизации молодежи характеризуются противоречием между постепенным, хотя и весьма медленным, повышением к ним интереса молодых людей и попытками работающих с молодежью социальных институтов использовать для формального удовлетворения этого интереса мобилизационные практики, дискредитирующие саму идею добровольного объединения. Мобилизационный потенциал общественных организаций, на формирование и применение которого ориентируется современная российская элита, выстраивая свои отношения с молодежью, довольно значителен. Он проявляется преимущественно у представителей младших возрастных когорт, у молодых людей с низким уровнем образования, школьников, работников бюджетной сферы. При этом интенсивно используются пока еще сохраняющиеся в молодежном сознании романтически-альтруистические иллюзии, на основе которых и выстраиваются стратегии политической мобилизации. Однако среди успешных молодых людей они не получают существенной поддержки, что выражается в их преимущественной ориентации на неполитические объединения.

7. Процесс самоорганизации индивидуального жизненного пространства молодежи в социокультурном пространстве регионов характеризуется высоким уровнем противоречивости, что, прежде всего, проявляется в выборе молодыми людьми инструментов реализации жизненной стратегии. На его существенно влияют ощущение успеха и комфорта, престиж собственного статуса, специфика ценностей. При этом основания выбора способны довольно динамично меняться, но изменения, чаще всего, рационально не мотивированы. Для коллективистских самоорганизационных практик региональной молодежи характерен низкий интерес к деятельности молодежных объединений, недостаточная информированность о них и преобладание прагматического отношения к перспективам участия. Индивидуальным самоорганизационным практикам молодежи присущи установка на стратегию благополучия, потребность в дружеском общении, сочетающиеся с неразборчивостью в средствах и ограниченностью духовных запросов.

8. Нестабильность общественного развития и логически следующая из этого нелинейность самоорганизационных процессов в молодежной среде акту-

ализируют необходимость их внешнего регулирования на основе «мягкого управления». Процесс регулирования на региональном уровне в содержательном отношении предполагает разработку и последующую мультипликацию идеи социетальности. Основными ее принципами являются: доверие, выражающееся в установке в межличностных и социальных отношениях на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанные на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций; солидарность, представляющая собой деятельное сочувствие к интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единокоренные с ними; ответственность, связанная с готовностью и способностью молодого человека взять обязательства перед социумом, референтным окружением и самим собой и выполнить их, невзирая на обстоятельства; субкультурная интегрированность, предполагающая реальную, а не формальную принадлежность к коллективным образованиям, начиная с семьи и заканчивая этносом (этнической группой), опирающуюся на принятие культурных стандартов и стилей поведения.

9. Технологически корректное регулирование процессов самоорганизации молодежи должно быть направлено на создание молодым людям дополнительных возможностей упорядочивания индивидуальной и коллективной жизнедеятельности путем модификации системы региональной молодежной политики. При этом недопустимы его превращенные формы, сводящие регуляцию к администрированию или манипуляции общественным мнением, выхолащивающие ее сущность как аутопойетического процесса свободного выбора и самореализации молодых людей. Регулирование, в качестве продуктивной формы мягкого управленческого воздействия должно базироваться на соблюдении правил рациональности; последовательности и планомерности; алгоритмизации. Наиболее перспективными технологиями регулирования являются: профессиональная диагностика самоорганизационных процессов; широкое использование интеллектуально-аналитических систем для подготовки и принятия решений; модификация инфраструктуры работы с молодежью на основе внедрения кластерных технологий, объединяющих по сетевому принципу государственные, муниципальные и общественные институты; внедрение механизма кадрового трансфера.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в том, что полученные в ходе исследования выводы позволяют уточнить положения социологической теории самоорганизации социальных систем, социологии молодежи в отношении процесса социализации молодых людей в нестабильной общественной среде, теории «мягкого управления» социальными процессами.

Программа и инструментарий социологического исследования могут быть использованы для диагностики общественного мнения молодежи. Полученные конкретные социологические данные представляют интерес для руководителей высших учебных заведений Российской Федерации.

Положения диссертации могут быть использованы при чтении общих и специальных учебных курсов по социологии, социологии молодежи, социологии управления в высших учебных заведениях.

Разработанные автором технологии воздействия на самоорганизационные процессы в молодежной среде могут быть использованы в практике работы ор-

ганов государственного и муниципального управления, деятельности молодежных объединений. Эмпирические материалы и выводы диссертационного исследования могут быть полезными при разработке нормативных документов, определяющих реализацию молодежной политики, формирование региональных молодежных программ и проектов.

Апробация работы реализовалась в форме выступлений на международных, всероссийских конференциях и симпозиумах, в том числе на Международной научно-практической конференции «Формирование управленческого кадрового потенциала в регионе», Белгород, 24 мая 2002 года; Международной научно-практической конференции «Славянский мир и православие глазами молодых», Белгород, 9-10 октября 2002 года; VII Международной молодежной конференции «Славянские встречи», Белгород, 23-25 сентября 2004 года; Всероссийской научно-практической конференции «Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности», Белгород, 27-29 марта 2007 года; Международной научно-практической конференции «Органи влади та молодіжні громадські організації. Інноваційні рішення в молодіжній політиці», Харьков, 26-27 июня 2007 года; научно-практической конференции «Духовное здоровье молодежи российских регионов в контексте обеспечения ее духовной безопасности», Белгород, 28 марта 2008 года; Международной научно-практической конференции «Самоорганизация молодежи и гражданское общество в России», Белгород, 17 апреля 2009 года; V Международной научно-практической конференции «Духовная безопасность молодежи в общественно-политическом и социальном пространстве современной России: основные стратегии развития», Белгород, 28 апреля 2009 года; Интернет-конференции «Подготовка специалистов по работе с молодежью: проблемы и пути их решения», Ярославль, 2009 год; Международной научно-практической конференции «Самоорганизация молодежи и гражданское общество в России», Белгород, 17 апреля 2009 года; Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь – позитивная сила развития российского общества», СПб., 24-25 сентября 2009 года; Всероссийской научно-практической конференции «Молодежная политика и общественное развитие в России и ее регионах», Уфа, 2009 год; Международной научно-практической конференции «Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в условиях кризисных явлений», Орел 25 мая 2010 года; V Международной научно-практической конференции «Роль науки в развитии общества», Ницца, Франция, 7-9 октября 2012 года; Всероссийской научно-практической конференции «Социальные приоритеты молодежной политики», СПб., 22-23 ноября 2012 года.

Апробация осуществлялась в процессе работы соискателя в качестве председателя Областной федерации детских, подростковых и юношеских организаций (1993-2008 гг.), директора Областного государственного учреждения «Центр молодежных инициатив» (2004-2012 гг.), заведующей кафедрой социологии и организации работы с молодежью (с 2009 г. по настоящее время). Положения и выводы диссертационного исследования нашли практическое применение в ходе чтения курсов «История и современное состояние молодежного

движения в России и за рубежом», «Молодежные и детские общественные объединения в системе государственной молодежной политики», «Педагогическое обеспечение работы с молодежью», «Подготовка руководителя молодежного движения», «Поддержка и развитие массового молодежного движения», «Организация социально-воспитательной и досуговой работы с детьми, молодежью по месту жительства» для студентов специальности и направления подготовки «Организация работы с молодежью» в Белгородском государственном национальном исследовательском университете» в 2004-2012 годах.

Структура работы состоит из введения, четырех глав, 9 параграфов, заключения, библиографического списка, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируется научная проблема, цель и задачи исследования, его объект, предмет и теоретико-методологическая основа. Охарактеризованы элементы научной новизны, представлены положения, выносимые на защиту; обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «*Теоретико-методологические основания исследования самоорганизации молодежной среды*» осуществлен теоретический анализ процессов самоорганизации молодежи.

В первом параграфе «*Системно-синергетическая концепция самоорганизации молодежи в трансформирующемся обществе*» обосновывается, что в развитии самоорганизационных процессов в молодежной среде усматривается проявление универсальной тенденции к упорядоченности социальной реальности посредством консолидации и солидарности. При этом речь должна идти не только о межгрупповой и институциональной солидарности, но о достижении внутреннего единства личности с самой собой, гармонизации внутренней структуры и обретении устойчивой диспозиции. Подобная консолидация и гармонизация возможны на основе постоянного конструктивного дискурса, позволяющего обрести стабильные ценности и смыслы. Как процессы они нестабильны, внутренне противоречивы и обратимы, что вполне соответствует общей логике развития современных социальных систем и не укладывается в рамки традиционных концепций работы с молодежью, как правило, ориентированных на однозначность решений, унификацию организационных структур, безальтернативное мышление и администрирование.

В диссертации обосновывается, что реальные процессы самоорганизации молодежи в современном трансформирующемся социуме, во-первых, вышли за рамки стереотипов, в основе которых лежит представление о молодежи как объекте управленческого развития. Во-вторых, они не являются однонаправленными и не могут трактоваться упрощенно, только как добровольное или принудительное создание молодежных общественных объединений. В-третьих, самоорганизационные процессы в молодежной среде неустойчивы, а возникающие в результате их структуры (внутриличностные, межличностные, общественно-политические и иные) способны вести себя крайне независимо от породивших их

условий. В-четвертых, характер самоорганизационных процессов определяется комплексом разнообразных аттракторов, зачастую противоречащих друг другу.

Таким образом, самоорганизация проявляется как многоуровневый и многовекторный процесс, в рамках которого можно выделить несколько взаимосвязанных аспектов: институциональный, субкультурный, внутриорганизационный (коллективный) и личностный (индивидуальный).

Институциональный аспект проявляется в формировании системы связей между молодежью и различными социальными институтами. В условиях России, в первую очередь – между молодежью и государством, поскольку именно государственные структуры создают или, напротив, ликвидируют условия, необходимые для успешной самоорганизации, выступая наиболее значимым контрагентом молодежи как особой социально-демографической группы. Для институциональной самоорганизации молодежи характерны высокий уровень нестабильности, отсутствие эффективных механизмов взаимодействия, значительная социальная дистанция между контрагентами. Данный процесс не «привязан» к одному очевидному аттрактору, трудно прогнозируем, и связываемые с ним ожидания налаживания системных связей чаще всего отражают лишь декларации политиков, государственных и муниципальных чиновников.

Внутриорганизационный (коллективный, коллективистский) аспект самоорганизации выражается в процессах формирования молодежных объединений формального и неформального типов. Для первых типичен наиболее высокий уровень определенности; неформальные объединения максимально нелинейны в своем развитии, подвержены влиянию случайных факторов. Формирование этих объединений отражает естественное для молодежи стремление к объединению со сверстниками и единомышленниками, конфигурированию среды, благоприятной для общения и взаимодействия. Наиболее значимыми аттракторами данного процесса выступают общие интересы, межличностные связи, авторитет лидера. Однако неизбежная формализация объединений, как правило, деформирует естественные самоорганизационные процессы, отчуждая молодежные организации и движения от своих создателей.

Рассматриваемая в субкультурном отношении самоорганизация молодежи представляет собой постоянно возобновляющийся, исключительно сложный диалог представителей различных культурных образований. Ценностно-нормативная диверсификация современной молодежи, как и всего общества, делает его непоследовательным. Однако, если сравнивать субкультурный и институциональный аспекты самоорганизации, то довольно очевидно: первый имеет довольно ясно выраженные аттракторы в виде ценностей и жизненных смыслов. Их конституирование и последующая интериоризация придают самоорганизационному развитию дополнительный импульс, усиливают синергетические эффекты. Однако социальные институты часто оказываются неспособными их использовать.

В индивидуально-личностном аспекте самоорганизация может рассматриваться как своеобразная проекция субкультурных паттернов на повседневное поведение человека, которая становится возможной посредством усвоения че-

ловеком ценностно-смысловых комплексов. Транслируясь в поведенческие установки личности, эти комплексы, в конечном итоге, определяют жизненную стратегию молодого человека, способы конфигурирования его индивидуально-жизненного пространства, характер социальных коммуникаций. При этом субкультурная неоднородность современного общества предопределяет высокую вариативность молодежного жизнестроительства.

Второй параграф *«Социокультурная специфика самоорганизационных процессов в молодежной среде»*. В нем подчеркивается, что для современной молодежи характерно исключительное разнообразие «духовных миров», являющееся одной из наиболее ярких качественных характеристик жизнедеятельности молодежи. Полифония молодежных статусов и миров имеет устойчивую тенденцию к расширению. В некоторых случаях она ведет к заметному нарастанию напряженности в отношениях между различными группами молодежи, к возникновению объединений, которые оппонируют не только социуму в целом, но и своим более удачливым сверстникам.

Разнообразие социокультурных миров является исходным основанием для поливариантности самоорганизационных процессов. Они с неизбежностью должны отражать (и реально отражают) многообразие ценностей и смыслов, а синергия самоорганизации в данном случае может быть лишь следствием взаимодействия различных субкультурных образований, что, однако не является основанием для отказа от тезиса о наличии молодежной субкультуры, хотя дифференцированной, и нестабильной.

В общественном сознании молодежи, как и всех российских граждан, выделяются две конкурирующие друг с другом ценностные модели: патриархально-коллективистская и постиндустриальная индивидуалистическая. Между ними расположены многочисленные переходные социокультурные образования, но выделенные модели наиболее укоренены в социальной реальности, конкурентоспособны и потенциально готовы к соперничеству. При этом вектор общего движения направлен от первой ко второй, что отражает вполне адекватно общие процессы эволюции российского социума в течение последних двадцати – двадцати пяти лет.

Совершающаяся (не всегда естественная) модификация поведенческих моделей является одним из наиболее значимых факторов, вносящих в самоорганизационные процессы в молодежной среде элементы хаоса, неопределенности, превращающих их в противоречивые и обратимые тенденции. При этом ни одна из моделей не свободна от дисфункционального влияния на процессы самоорганизации.

Традиционная для России социокультурная (патриархально-коллективистская) модель становится недостаточно функциональной основой для самоорганизации молодежи. Она не способна продуцировать новые формы порядка в ситуации нарастания неопределенностей. Более того, некоторые элементы этой модели (иррационализм, значительная роль символических составляющих, патернализм) в современных условиях существенно снижают ее коллективообразующий потенциал. Тем не менее, минимизация регулирующего

влияния ценностей и норм, характерных для данной модели, предоставляет для находящихся в сфере ее влияния молодых людей новые возможности для самостоятельного поиска, увеличивая число альтернатив при конструировании поведенческих стратегий и выстраивании отношений с контрагентами.

Индивидуалистическая модель, казалось бы, более, чем патриархально-коллективистская, ориентирована на автономию самоорганизационного развития. Но она апеллирует к рациональной мотивации поведения, которая предусматривает возможность выбора в довольно жестких рамках необходимости. В сущности, индивидуалистическая модель в российских условиях ведет не к расширению степеней свободы молодых людей, но к их ограничению. Правда, оно всегда аргументировано в рамках господствующей социокультурной парадигмы. Издержки модели выражаются в потенциальной доступности самоорганизации для внешнего манипулятивного воздействия, что в значительной мере типично и для традиционной модели. В обоих случаях манипуляции носят квазиидеологический характер, различаясь лишь содержанием используемых идеологем.

Ситуация социокультурной транзиции, предполагающая значительное влияние на поведенческие стереотипы молодежи иррационального элемента, с одной стороны, создает для самоорганизационных процессов молодежи дополнительные альтернативы; с другой стороны, делает их максимально непредсказуемыми в отношении последствий.

Последнее обстоятельство в сочетании с фактором сохранения патерналистско-иррациональных элементов в сознании и поведении молодых людей ведет к распространению превращенных форм самоорганизации, к их имитации, то есть декорации и демонстрации упорядочивания социальной реальности на якобы мировоззренческой, а в действительности – на формально символической основе. В этой связи процесс самоорганизации все более детерминируется симулякрами и мифологизируется.

Вторая глава диссертации – *«Факторы самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона»*.

В первом параграфе *«Социокультурное пространство региона как сфера самоорганизации молодежи»* осуществлен анализ социокультурного контекста, в рамках которого формируются условия и факторы, как стимулирующие их развитие, так и мешающие молодым людям достигать организационного порядка в ходе индивидуальной и коллективной деятельности. При этом под регионом в диссертации понимается конкретный субъект Российской Федерации.

В работе отмечается заметная дифференциация субъектов РФ в социокультурном отношении и фиксируется, что выводы исследования распространяются на регионы Центральной России, три из которых стали объектами социологического анализа. Один из них в настоящее время специалисты относят к «лидерам» (Белгородская область); другой – к «стабильным середнякам» (Воронежская область); третий – к «аутсайдерам» (Курская область),

Под социокультурным пространством региона в диссертации понимается набор взаимосвязанных артефактов, основанных на сложившихся под влиянием традиций ценностно-смысловых паттернах, которые формируют условия для формирования, реализации и изменения идентичности жителей.

Социокультурное пространство рассматриваемых российских регионов в настоящее время определяется рядом динамично меняющихся характеристик. В их числе:

1. Сохранение довольно устойчивых культурных традиций, обусловленных относительной гомогенностью этнорелигиозного состава населения, постепенно размывающейся под влиянием миграционных процессов.

2. Наличие сложившейся структуры ценностных паттернов, которые, различаясь в зависимости от их носителей, образуют относительно стабильную иерархию. К числу наиболее значимых для развития самоорганизационных процессов в молодежной среде паттернов регионального социокультурного пространства относятся:

– патернализм, выражающийся в отчужденности молодежи от государства, в нежелании включаться в инициированные государственными структурами процессы, молчаливом принятии чиновничьих инициатив при условии, что они не будут существенно затрагивать фундаментальные интересы граждан;

– корпоративизм, крайней формой которого является специфический провинциальный трайбализм;

– конформизм, выступающий своеобразной производной от предыдущих элементов. В значительной мере он обусловлен узостью горизонтов провинциального бытия и сознания, но в еще большей степени – осознанием невозможности что-либо изменить в жизненной ситуации, контролируемой и регулируемой разветвленным чиновничьим аппаратом;

– региональный патриотизм. Он представляет собой существенный стимул для самоорганизационных процессов; в этой идее канализируются многие представления о справедливости и порядке, как об условиях преодоления социального хаоса;

– традиционный иррационализм в отношении к реальности, который в значительной степени повлиял (и продолжает влиять) на специфику рефлексивного отношения российских граждан, в том числе и молодежи, к миру и самим себе. Иррационализм стимулирует распространение в молодежной среде квазирационального ситуативного сознания, которое не только дезориентирует людей в отношении социальных норм и стандартов поведения, но и элиминирует важнейшее качество ценностей – их императивность.

3. Дискретность, что проявляется в выделении в региональном хронотопе отдельных единиц, определяющихся спецификой акторов социокультурной деятельности; в усилении диверсификации региональной культуры в территориальном, профессиональном, этническом и возрастном отношениях; в дифференциации ценностей. Дискретность регионального социокультурного пространства существенно усиливается вследствие высокого уровня социальных рисков.

4. Сравнительно высокий уровень управляемости, отражающий как общие тенденции к выстраиванию вертикали власти в России, так и узость «регионального политического рынка». Управление социокультурным пространством региона все чаще реализуется посредством мультипликации субкультуры бюрократии, которая представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры, и обеспечивает значительный контроль элиты над процессами в молодежной среде.

В рамках регионального социокультурного пространства формируется противоречивый спектр условий, которые либо способствуют самоорганизационным процессам, либо создают для них комплекс препятствий. Самоорганизационные процессы стимулируются все еще сохраняющимися коллективистскими традициями, заметной ролью в общественной жизни патриотического фактора. Под их влиянием, как правило, в той или иной степени воспроизводится патриархально-коллективистская культурная модель с соответствующими ей формами самоорганизации. Одновременно снижение значимости внешнего регулирования и контроля, диверсификация социокультурной среды способствуют распространению представлений, соответствующих индивидуалистической, рационально мотивированной модели.

Во втором параграфе *«Рефлексивная составляющая самоорганизационных процессов»* подчеркивается: несмотря на многочисленные трудности и барьеры для процессов самоорганизации молодежи, в ситуации социальной неустойчивости неизбежно, хотя и недостаточно последовательно, раздвигаются горизонты самостоятельности личности молодого человека. Индивидуальная воля и личный выбор начинают играть (и, очевидно, будут играть в дальнейшем) решающую роль в самых разнообразных жизненных ситуациях. Следовательно, интересубъективный фактор превращается в наиболее значимый среди факторов, детерминирующих самоорганизационный процесс, придающих ему конкретные институциональные формы и социокультурные смыслы.

В структуре интересубъективного фактора решающую роль играет рефлексия молодых людей, которая может либо стимулировать их к упорядочиванию отношений и связей на основе рациональной оценки и учета реакции социальной среды, либо «замкнуть» ценностный мир молодого человека на самого себя, породив феномен «атомизации», разрушающий саму возможность достижения социального порядка.

Результативность и характер самоорганизационных процессов существенно детерминированы способностью личности молодого человека давать оценку комплексу обстоятельств как внешнего, так и внутреннего характера. При этом все более значимой становится способность к осмыслению результатов собственного познавательного и практико-преобразующего опыта в рамках сложившейся культурной среды, то есть рефлексия.

Только в качестве рефлексивной личности молодой человек приобретает навыки упорядочивания своих жизненных обстоятельств и внутрличностных структур, либо путем адаптации их к традиционным ценностным моделям, либо посредством рационального анализа, сопоставления позитивных и негативных следствий. И только при их наличии личность способна к осознанному выбору и самостоятельности действий. То есть, к реализации аутопоеитичной, как индивидуальной, так и групповой, модели поведения.

При этом самоорганизация, как целенаправленная систематизация социальных связей и отношений, – это действие в высшей степени социальное, а потому предполагающее постоянный критический анализ реакции среды, как условия корректировки собственного поведения. В этом ее отличие от «коллективноподобных» и иных псевдорациональных форм деятельности, базирующихся на неуме-

нии и нежелании оценить себя, либо на безусловной уверенности в собственной непогрешимости.

Наиболее востребованной в современном глобализирующемся обществе является социокультурная рефлексия, представляющая собой систему форм и способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующуюся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенную в комплексе взглядов, образов, мифов и символов, которые используются для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или для его модификации. Социокультурная рефлексия вполне может рассматриваться как атрибутивный признак современной молодежной субкультуры.

Но для значительной части современной молодежи, во-первых, характерен дефицит рефлексивности. Во-вторых, особенностью рефлексивного отношения к себе и миру все чаще становится то, что упорядочивание молодым человеком внешних и внутриличностных структур начинает осуществляться не на основе своей жизненной концепции (она, фактически, отсутствует), но под влиянием символически воспринимаемых и наделяемых дополнительными ценностями образцов, имеющих чисто имиджевый характер.

Замкнутая на себя рефлексия имеет характер редуцированной практики, она не способна расширить ценностный мир личности, а потому, если и способствует самоорганизации, то только в индивидуальном плане. Формирование подобной рефлексивности, ведет к утверждению самоорганизующейся личности как потребителя имиджей, якобы повышающих ее социальный статус, что чаще всего является иллюзией. К тому же этот тип рефлексивности никогда не преобладал в культуре России, ориентированной на коллективистские формы рефлексии, которые, впрочем, становятся все менее типичными для российской молодежи.

В соответствие с двумя доминирующими социокультурными моделями социокультурная рефлексия современной молодежи эволюционирует между полюсами – самоорганизации коллективистского и индивидуально ориентированного типа, довольно часто выступая как естественная защитная реакция на социальную нестабильность, как попытка в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих.

И если коллективистская модель рефлексивности способна трансформироваться в превращенную тоталитарную форму, то индивидуалистическая – в форму «атомизации», под которой, понимается сосредоточенность сознания молодого человека на эгоистических интересах, акцент в жизнедеятельности на утилитарные стереотипные практики и, как следствие, сведение межличностных контактов к чисто формальным взаимоотношениям и связям.

В третьем параграфе *«Институциональный контекст самоорганизации молодежи на региональном уровне»* предпринято исследование комплекса взаимоотношений, складывающихся между молодежью как специфической социально-демографической группой и основными социальными институтами, ведущим из которых выступает государство.

Исследование дает основание утверждать, что в силу тенденции самоорганизационных процессов к аутопойетичности роль социальных институтов в

них объективно снижается, меняются их функции, что пока недостаточно осознано как представителями государственных и общественных структур, так и самой молодежью.

Самоорганизация в данном контексте может рассматриваться как способ наращивания социального капитала молодежи и его последующего использования для достижения личных целей и одновременно реализации общественного интереса.

На первый взгляд, ситуация в обследуемых регионах развивается в данном направлении. По данным проведенного при подготовке диссертации исследования (2012 год), молодые люди в своем большинстве довольно уверенно относят себя к успешным социальным группам: 13,44% молодежи причислили себя к категории «преуспевающих молодых людей, молодежных лидеров»; 40,17% – к «молодым людям, хорошо приспособившимся к современной ситуации, чувствующим себя комфортно»; 25,13% – к «молодым людям, переживающим временные трудности, но имеющим хорошую жизненную перспективу»; 11,36% рассматривают себя как «молодых людей, живущих трудно, но борющихся за свое будущее»; 4,21% считают, что они не имеют перспективы в жизни и обречены на неудачу.

Однако ощущение относительной успешности сопровождается усилением в молодежной среде индивидуализированных практик и ценностей. В частности, наиболее значимыми ценностно-целевыми установками молодежи являются семейное счастье (в 2008 и в 2012 годах соответственно 64,25% и 55,01% респондентов); далее следуют карьера (40,75% и 35,83%) и богатство (28,60% и 31,15%). Коллективистские установки типичны для незначительной доли респондентов. Лишь 12,69% в 2008 году и 16,11% респондентов в 2012 году хотели бы принести пользу человечеству и своей стране.

Влияние индивидуализации на самоорганизационные процессы далеко неоднозначно в силу нескольких обстоятельств:

- индивидуальная ориентация объективно расширяет возможности самоорганизации, поскольку высвобождает молодого человека от ряда обязательств, с которыми обращается к нему референтное окружение. В результате появляются новые альтернативы, усиливается автономность (аутопойетичность) личности, что позитивно сказывается на ее развитии;

- но, исключая себя из коллективных социальных проектов, молодой человек, одновременно с наращиванием степеней личной свободы, увеличивает риски, связанные с принимаемыми им решениями, направленными на организацию жизненного пространства. В результате процесс самоорганизации становится максимально неустойчивым, сопровождается появлением новых опасностей и угроз;

- если коллективная проекция ориентирована на более или менее ясные субкультурные стандарты, то индивидуальный выбор будущего в условиях регионального социокультурного пространства требует самостоятельного определения новых образцов, а это представляет для значительной части молодежи затруднения в силу присущей ей замкнутой на себя имиджевой формы рефлексивности.

Особенно важно, что ощущение социального комфорта, как правило, не связывается молодыми людьми с политикой социальных институтов. В моло-

дежной среде, в частности, преобладает убеждение, что государство вспоминает о молодежи время от времени (так заявили 36,19% респондентов в 2008 году и 37,97% в 2012 году). Преимущественно негативное восприятие государства проявляется и в низком уровне доверия к основным государственным и муниципальным структурам. Так, исследование 2012 года показало: Президенту РФ доверяют 21,93% молодых людей; Государственной Думе РФ – 8,16%; главам исполнительной власти регионов (губернаторам) – 8,16%; представительным органам власти субъектов РФ – 4,61%; главам администраций муниципальных образований – 4,48%. Крайне низким уровнем доверия молодежи пользуются полиция (0,33%) и органы безопасности (0,53%). Исключительно критично молодые люди воспринимают политические партии. Участие в них как способ защиты своих интересов рассматривают лишь 13,37% молодых людей.

Несмотря на значительную активизацию религиозных организаций в регионах, они оказывают также незначительное влияние на позицию молодого поколения и не могут рассматриваться в качестве значимых каналов выражения самоорганизационных тенденций.

Исследование дает основание утверждать, что социальные институты в субъектах РФ в большинстве случаев не готовы к конструктивному диалогу с молодежью как с множеством самостоятельных личностей и не имеют реальной стратегии, обеспечивающей последним поддержку в решении сложных задач самоорганизации. Молодежь чаще всего по-прежнему рассматривается другими социальными акторами как инструмент достижения собственных целей, а применяемые в отношении ее манипулятивные практики не способствуют формированию субъектности молодого поколения. Данное обстоятельство наиболее адекватно определяет институциональный аспект самоорганизации молодежи в субъектах Российской Федерации. На этом уровне она, фактически, принимает превращенную форму; лишается атрибута автономности, регламентируется и ведет не к упорядочиванию взаимодействия государства и молодежи, но к созданию иллюзии порядка.

Третья глава диссертации – *«Самоорганизационные практики молодежи в региональном социокультурном пространстве»*.

Первый параграф *«Специфика коллективных форм самоорганизации молодежи»* посвящен интерпретации результатов диагностики коллективных форм самоорганизационных процессов.

Традиционной коллективной формой самоорганизации региональной молодежи выступают общественные организации и движения, которые разнообразны по своему составу и направлениям деятельности. Но данный факт не является свидетельством в пользу успешности самоорганизации молодежи, рассматриваемой во внутриорганизационном аспекте. Организационное строительство в молодежной среде определяется сложным комплексом тенденций, представляющих собой специфическую комбинацию внутригрупповых процессов и внешних по отношению к молодежи воздействий.

Дискретность и диверсификация регионального социокультурного пространства, с одной стороны, способствуют созданию разноплановых объединений, способных отразить интересы носителей различных субкультур. Но, с дру-

гой стороны, сильно выраженное корпоративное начало в культуре ограничивает возможности участия в объединениях маргинальных по отношению к региональному культурному мейнстриму групп, в частности, представляющих мигрантов, инородных субъекту РФ в этническом и религиозном отношениях. Их возможности связаны в основном с созданием неформальных структур.

На региональном уровне на организационное строительство оказывает влияние стремление государства контролировать процесс создания и функционирования общественных объединений, рассматривая их как одну из форм политической мобилизации молодых людей. При этом региональные власти, как правило, реализуют такую стратегию более жестко и последовательно, чем федеральные. Организации, образованные для манипуляции молодежью, представляют собой своеобразные мобилизационные проекты, то есть созданные конкретным социальным (чаще всего политическим) институтом, группой лиц или (в довольно редких случаях) криптократической организацией структуры, объединяющая молодежь для достижения целей инициатора, предполагающие использование манипулятивных практик в отношении ее членов и использование набора идей, обеспечивающих эффективность манипуляции.

Основными признаками молодежной организации как мобилизационного проекта являются:

- несоответствие ее основным интересам и потребностям молодежи, о чем молодые люди могут заявлять открыто, либо игнорировать функционирующую структуру;
- нежелание большинства молодых людей получать информацию о деятельности организации;
- отказ в поддержке, наиболее отчетливо выражающийся в нежелании стать членом организации;
- политическая ангажированность организации, ее систематическое следование «в фарватере» политической партии или «взрослой» общественно-политической организации;
- принудительность членства.

В нестабильной среде общества постмодерна мобилизационные проекты становятся существенным препятствием для развития молодого поколения. Противоречие между стремлением молодых людей к самоорганизации и попытками внешних по отношению к молодежи акторов использовать для манипулирования ею мобилизационные проекты является основным противоречием коллективистских самоорганизационных практик.

Социологический анализ отношения молодежи к общественным объединениям показал:

- в настоящее время возрастает формальный интерес к молодежным объединениям среди молодых людей. О наличии его заявили 38,71% в 2008 году и 52,94% в 2012 году. Однако, молодые люди отдают предпочтение организациям неполитического и нерелигиозного характера, преимущественно досуговому, юридическому, спортивному;
- постепенно увеличивается доля молодых людей, заявляющих о своем участии в различных объединениях. В 2012 году об этом заявили 25,49% респондентов.

тов, 54,75% отрицали это, остальные затруднились с ответом. Следует иметь в виду, что показатель участия за четыре года вырос, в 2008 году о своем членстве в организациях говорили 14,57% респондентов. Тем не менее, рост показателя, скорее всего, вновь отражает интенсификацию мобилизационных практик;

– остается устойчиво низким уровень информированности и поддержки молодежью неформальных субкультурных объединений. Наиболее близкими для себя респонденты считают сторонников экстремальных видов спорта (10,83%). Все остальные формирования остаются, фактически, за пределами круга интересов участников исследования; 51,00% утверждают: ни одна из неформальных субкультур не является им близкой. В 2008 году так считали 60,95% опрошенных молодых российских граждан.

Самоорганизационный потенциал неформальных структур не высок, применяемые ими практики не вполне адекватны потребностям и интересам большей части молодых людей, а потому эти субкультуры в ближайшее время, скорее всего, будут сохранять свое влияние на небольшую часть молодежи, оставаясь маргинальными даже по отношению к маргинальной, по своей сути, молодежи в целом. Одной из причин этого является недостаточная когерентность неформальных молодежных субкультур отечественной традиции.

Таким образом, коллективные формы самоорганизации остаются лишь формально привлекательными для молодежи в российских регионах. Однако их самоорганизационный потенциал реализуется не последовательно в силу недостаточной информированности молодых людей и несовпадения «профиля» объединений молодежным интересам, что позволяет говорить о наличии кризиса участия в их деятельности.

Во втором параграфе *«Региональная специфика самоорганизации молодежью индивидуального жизненного пространства»* подчеркивается, что коллективные формы самоорганизации молодежи на региональном уровне дополняются формами самоорганизации индивидуального жизненного пространства, представляющего собой систему взаимоотношений, складывающихся в процессе повседневного удовлетворения потребностей и интересов личности. В диссертации исследуются три аспекта данной проблемы. Во-первых, выбор и практическое применение способов реализации личной жизненной стратегии; во-вторых, регулирование коммуникаций с референтным окружением; в-третьих, способы организации досуга, формирования и удовлетворения при этом культурных потребностей.

Исследование позволяет утверждать, что молодежь российских регионов становится все более индивидуально ориентированной в определении жизненной стратегии. Для большинства молодых людей (56,28%) представляется довольно очевидным, что личные усилия и активность являются главным условием достижения жизненных целей. Только 13,17% респондентов ссылаются на случай и стечение обстоятельств; 10,70% связывают осуществление своих стратегических установок с помощью государства и местной власти; 9,96% – родителей и родственников. Полученные результаты не опровергают тезиса об ориентации молодых людей на помощь родных и близких в повседневной жизнедеятельности. Они принимают ее, однако, скорее всего, понимают ограничен-

ность родственной поддержки при достижении долгосрочных целей. Тем более, что в обществе префигуративной культуры опыт старшего поколения существенно девальвируется для молодых людей.

Выбор методов реализации жизненной стратегии рассматривается в настоящее время большинством молодых россиян как исключительно личный акт, мало детерминированный внешними факторами. При этом молодые люди наиболее часто связывают жизненный успех с образованием (62,11% в 2008 году и 45,32% в 2012 году). Фактически, образование и знание в их глазах приобретают статус главного инструмента самоорганизации жизненного пространства в долгосрочной перспективе. На последующих местах находятся целеустремленность (соответственно 52,99% и 38,57%); связи, знакомства (46,65% и 31,42%)

Сознание молодежи амбивалентно: в нем присутствуют и декларируются взаимоисключающие установки, проявляющиеся при проектировании жизненного пути. Ориентируясь на знания и образование, молодые люди, тем не менее, признают значительную роль в достижении жизненного успеха связей и знакомств (31,42%), неразборчивости в средствах (7,29%).

Межличностные коммуникации молодежи в субъектах РФ в основном благоприятны для индивидуального развития. Только пятая часть респондентов не находят взаимопонимания со своими контрагентами. Тем не менее, значительная доля молодых людей испытывает потребность в расширении круга общения, поиске единомышленников. Однозначно положительно в 2012 году ответили на данный вопрос 20,52% респондентов, еще 36,30% выбрали вариант «скорее всего, да». На фоне кризиса коллективных форм участия усиливается интерес молодежи к социальным сетям, которые все чаще становятся для них наиболее привлекательной площадкой общения. Но чаще всего он не воплощается в реальные коллективные практики. Весьма низкой остается реальная гражданская активность молодых людей, несмотря на то, что готовность к общественному участию в различных формах проявляют более половины респондентов.

Заметно выраженные тенденции хаотизации характеризуют молодежный досуг. Для организации его характерны: дифференциация досуговых практик за счет освоения новых, нетрадиционных способов организации свободного времени; критическое переосмысление опыта предшествующих поколений; фактическая элиминация значимости понятия нормы; детерминация досуговых предпочтений образцами массовой культуры.

Массовизация молодежной культуры и ее трансляция через различные каналы в досуговой сфере, создают серьезные проблемы для развития самоорганизационных процессов. Во-первых, потому, что предлагаемые молодым людям стандарты и образцы, как правило, иррациональны по своему содержанию. Во-вторых, по многим параметрам идеология массовой культуры маргинальна, навязываемые ею стандарты либо находятся на границе правового и нравственного пространства, либо выходят за их пределы. В-третьих, в основе массовой культуры лежит феномен тотальной игризации; включаясь в данный процесс, молодые люди начинают переносить виртуальные практики в реальные жизненные условия, а выстраивание организационного порядка превращается в имитацию.

Исследование дает основание считать: в отношении способов организации досуга и способов удовлетворения культурных потребностей молодежь в

российских регионах фактически приняла предлагаемые ей индустрией шоу-бизнеса и масс-медиа образцы поведения. Она пока не смогла создать более или менее жизнеспособные формы контркультуры. Более того, возможность возникновения и распространения контркультурных рефлексий в обозримом будущем представляется весьма проблематичной, поскольку основная часть молодежи удовлетворена своим досугом (в полной мере 25,00% и преимущественно 35,70%); скорее, не удовлетворены, чем удовлетворены 17,65% респондентов, и 9,96% не удовлетворены полностью.

Четвертая глава диссертации – *«Формирование системы регулирования процессов самоорганизации молодежи в условиях региона»*.

Первый параграф *«Определение ценностных оснований регулирования процессов самоорганизации молодежи в ходе реализации молодежной политики»* посвящен анализу возможностей воздействия на процессы самоорганизации через сферу молодежной политики.

Нелинейный и поливариантный характер самоорганизации молодежи, детерминирующей в ключевых точках своего развития разноуровневыми аттракторами, делает их трудно прогнозируемыми. В ряде случаев они выходят за рамки принятых в социуме норм. И довольно часто молодые люди оказываются не в состоянии упорядочить как свое индивидуальное жизненное пространство, так и межличностные связи. Следовательно, несмотря на потенциальную тенденцию этих процессов к автономии, они нуждаются во внешней коррекции, регулировании.

Проблема регулирования самоорганизационных процессов в молодежной среде в настоящее время не сводится только к организационно-технологическим решениям. Она имеет, прежде всего, аксиологическое содержание и связана с переосмыслением ценностных оснований молодежной политики. Этот аспект ее реализации до настоящего времени остается наименее разработанным в теоретическом отношении и зачастую слабо учитывается практиками. На федеральном и региональном уровне преобладает технологический подход к работе с молодежью, возможности которого ограничены, особенно в тех случаях, когда речь идет о стимулировании самоорганизационной деятельности.

Исключительно востребованным становится ценностно-рациональный подход к управлению и самоуправлению в молодежной сфере, ориентированный на поиск смыслов самоорганизации, определение ее легитимных нормативных параметров. Во-первых, потому, что самоорганизация как процесс утверждения организационного порядка на коллективном или личностном уровне придает особое значение социализационным нормам, на которых она базируется. Во-вторых, в ходе нее необходимо противостоять распространению разнообразных мифов, целенаправленно созданных или стихийно возникших при интерпретации саморазвития молодежи, как результат комбинации неадекватных оценок, ложных стереотипов и корпоративных интересов их создателей.

Формирование системы регулирования процессов самоорганизации молодежи требует в современных условиях разработки и реализации региональной стратегии социокультурной модификации молодежного жизненного пространства, включая корректировку молодежной политики. Она предполагает

целенаправленное изменение сознания, ориентированное на заранее сформулированные социальные нормы, имеющие однозначно позитивный (и даже легитимный) характер. Социокультурная модификация исключает жесткое администрирование, с одной стороны; с другой стороны, манипуляцию молодежным сознанием. Она требует формулировки привлекательных для молодых людей позитивно ориентированных ценностей и стандартов поведения и технологически корректного стимулирования субъектов социального действия к их усвоению и соблюдению.

В качестве базисной ценности и – одновременно – социальной нормы, определяющей вектор движения, в диссертации предлагается идея согласия, социетальности, следование которой может позволить утвердить новое качество человеческих отношений в молодежной среде. В основе этих отношений лежат несколько принципов:

- доверие, выражающееся в установке в межличностных и социальных отношениях на открытые, конструктивные взаимодействия, основанные на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций;

- солидарность, представляющая собой деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей, единодушие с ними. Подобное сочувствие может быть лишь результатом взаимного проникновения в базисные ценности и достижения баланса между ними;

- ответственность, которая выражается в готовности и способности молодого человека взять обязательства перед социумом, референтным окружением и самим собой и выполнить их, невзирая на обстоятельства;

- субкультурная интегрированность, предполагающая реальную, а не формальную принадлежность к коллективным образованиям, начиная с семьи и заканчивая этносом (этнической группой), опирающуюся на принятие культурных стандартов и стилей поведения.

Модификация системы отношений в молодежной среде на основе принципов социетальности является крайне сложной задачей. Основными барьерами в данном случае являются:

- слабая подверженность культурных стереотипов и ценностей молодежи целенаправленным управленческим воздействиям;

- фрагментация социокультурной целостности регионального сообщества, которое становится исключительно мозаичным в культурном отношении;

- отчужденность власти и населения и, как следствие, неприятие основной массой граждан властных инициатив;

- невысокий уровень базовой культуры населения, типичными характеристиками которой являются ориентация на взаимодействие в малых группах, связанных, прежде всего, родственными отношениями, недоверие к «другим», в качестве которых выступают не только представители иных национальных и религиозных групп, но и люди, отличающиеся по своему социальному статусу;

- недостаточная социальная и управленческая компетентность кадров государственного и муниципального управления, многие из которых адаптированы к выполнению формальных управленческих процедур, достижению част-

ных результатов в экономике и социальной сфере, но не способны подняться до осознания необходимости социокультурных модификаций.

Тем не менее, в российском обществе развиваются тенденции, которые дают некоторые основания надеяться, что субкультурные модификации сознания и поведения молодежи как основание для наращивания и продуктивного применения ее самоорганизационного потенциала возможны. Главная из них заключается в неустойчивости социокультурной ситуации, нахождении ее в своеобразной точке бифуркации, в которой целенаправленная социокультурная стратегия способна изменить общее направление движения.

Во втором параграфе *«Технологии регулирования процессов самоорганизации молодежи в регионе»* рассматриваются процедуры управленческого воздействия на самоорганизационные процессы в молодежной среде. При этом подчеркивается, что такое воздействие должно быть максимально рационализировано, упорядоченно и рефлексивно по своему характеру. В основу его должна быть положена идея «сетевизации» молодежной политики, что предполагает:

- расширение состава ее участников за счет включения неформальных объединений молодежи, социальных сетей и отдельных молодых людей;
- акцент на конкретного молодого человека, на формирование у него способности готовности к саморегулированию;
- повышение качества и доступности информации, как основания для взаимодействия акторов;
- проектирование и внедрение кластерных технологий, обеспечивающих для молодежи и молодежных объединений формирование позиций, связей и отношений, обмен ресурсами между ними.

Основными правилами проектирования и внедрения технологий кластерного регулирования процессов самоорганизации являются:

- рациональная мотивация и обоснование предлагаемых решений, основанные на апелляции к сознанию объекта воздействия, прежде всего, к его потребностям и интересам;
- последовательность и планомерность, заключающиеся в том, что регулирование должно осуществляться не в виде разовых воздействий на объект, но включать в себя ряд мер, подчиняющихся общей идее-цели и требующих адекватных ей инструментов реализации;
- алгоритмизация регулирующего воздействия, предполагающая его осуществление по так называемому гибкому социальному алгоритму.

Субъектам социального регулирования, в качестве которых выступают социальные институты, в ходе этой деятельности целесообразно учитывать специфику самоорганизационных процессов, выражающуюся в том, что они:

- изначально целеориентированы, что создает проблемы для внешней регуляции, поскольку целевые ориентиры инициаторов могут не совпадать с установками объектов воздействия с присущим объекту пониманием процессов упорядочивания. Специфика регуляции в настоящее время заключается не в принудительном изменении целевых установок молодых людей, но в том, чтобы «раздвинуть горизонты» их сознания, продемонстрировав возможности иных целей и задач;

– активны, всегда направлены на изменение внутренней и внешней среды за счет проявления инициативы участников. Следствием этого являются высокая динамика их протекания и постоянное изменение ситуации, требующие со стороны субъектов саморегуляции систематической корректировки стратегии и тактики на основе рефлексивного анализа собственного опыта;

– потенциально адаптивны, то есть, несмотря на высокий уровень автономности, допускают внешнее воздействие;

– саморегулируемы, что логически следует из их сущностной характеристики, выражающейся в определении «само-». Самоорганизующаяся молодежь вполне способна самостоятельно определять социальную траекторию движения, методы достижения целей и, что в данном случае особенно важно, оценку степени их достижения и совпадения не только с ожиданиями инициаторов, но и с ценностно-нормативными основаниями развития социума.

В диссертации обосновывается необходимость применения четырех видов технологий регулирования самоорганизационных процессов:

1. Диагностика самоорганизационных процессов посредством регионального комплексного мониторинга, предполагающего применение качественной оценки субкультурных изменений в молодежной среде, осуществляемой с привлечением независимых исследовательских центров и позволяющей субъектам молодежной политики принимать сбалансированные решения с учетом интересов различных акторов, и – главное – долгосрочных тенденций развития.

2. Системная аналитика ситуации, опирающаяся на качественную диагностическую работу и требующая формирования в системе региональной молодежной политики экспертного сообщества. При этом подчеркивается, что включение такого сообщества в процесс «молодежного диалога» позволит минимизировать тенденции бюрократизации молодежной политики и даст возможность: определять цели регулирующего воздействия в диалоговом режиме, привлекая к этому саму молодежь; предусматривать систематическую корректировку целевых установок, учитывающую высокую динамику социальной среды и то, что в ходе самоорганизации велика вероятность дезадаптации личности; ориентироваться на «рациональное прочтение» целей самоорганизации, снижающее вероятность мифологизации сознания. Внедрение диалогового режима взаимодействия создаст предпосылки для отказа от массового применения в работе с молодежью мобилизационных практик.

3. Модификация инфраструктуры молодежной политики на основе кластерных сетевых технологий. Это предполагает расширение состава участников за счет включения в него бизнес-структур, негосударственных учреждений, сетевых сообществ; формирование молодежных ассоциаций; развитие партнерских отношений между участниками, которые оформляются в виде договоров о сотрудничестве; определение ясных правил поведения для всех акторов социокультурного пространства; создание возможностей для индивидуального участия в принятии управленческих решений, в том числе и путем использования потенциала виртуального пространства; обеспечение информационной открытости в рамках существующего правового поля. Существенным элементом инфраструктурных перемен должно стать включение в состав направлений регио-

нальной молодежной политики просветительной и воспитательной работы, ориентированной на утверждение в сознании молодого человека ценностей и норм социетального поведения.

4. Внедрение механизма государственно-общественного кадрового трансфера, представляющего собой целенаправленное, обеспеченное в организационном и технологическом отношении продвижение социетально ориентированных, профессионально способных и готовых к работе с сетевыми структурами молодых специалистов на должности в органах по молодежной политике и учреждениях молодежной сферы. «Гражданский опыт» этой генерации кадров позволит обеспечить конструктивный диалог между самоорганизующейся молодежью и социальными институтами.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные результаты и выводы, обосновываются практические рекомендации по совершенствованию регулирования процессов самоорганизации в молодежной среде.

Материалы диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК

1. Морозова, Т. И. Самоорганизация молодежи как форма социокультурной рефлексии (регион. аспект) [Текст] / Т. И. Морозова // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия, социология, право. – 2008. – № 8. – Вып. 3. – С. 190-196. (0,4 п.л.).

2. Морозова, Т. И. Формирование кадрового резерва государственной молодежной политики [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, И. В. Бояринова // Управление персоналом. – 2008. – № 6. – С. 48-52. (0,3/0,1 п.л.).

3. Морозова, Т. И. Самоорганизация современной молодежи: региональный аспект [Текст] / Т. И. Морозова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 4 (84). – С. 212-217. (0,8 п.л.).

4. Морозова, Т. И. Самоорганизация молодежи как социокультурная проблема [Текст] / Т. И. Морозова // Социология. – 2011. – № 2. – С. 168-177. (0,9 п.л.).

5. Морозова, Т. И. Гражданская активность молодежи как фактор самоорганизации [Текст] / Т. И. Морозова // Человек и труд. – 2010. – № 5. – С. 65-68. (0,7 п.л.).

6. Морозова, Т. И. Молодежные организации в Белгородской области: уровень доверия и проблема участия [Текст] / Т. И. Морозова // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия, социология, право. – 2010. – № 2. – Вып. 11. – С. 77-82. (0,5 п.л.).

7. Морозова, Т. И. Самоорганизация молодежи в обществе риска как проблема социокультурной рефлексии (региональный аспект) [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев // Регионология. – 2010. – № 3. – С. 197-208. (0,8 п.л.).

8. Морозова, Т. И. К вопросу о самоорганизации современной молодежи [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова // Человек и труд. – 2011. – № 5. – С. 30-33. (0,9 / 0,45).

9. Морозова, Т. И. Успех и аутсайдерство как альтернативы развития молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 43-48. (0,9 п.л.).

10. Морозова, Т. И. Противоречивость социального статуса молодежи как проблема ее социальной активности [Текст] / Т. И. Морозова // Казанская наука. – 2011. – № 8. – С. 343-346. (0,5 п.л.).

11. Морозова, Т. И. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как специфические формы рефлексии [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев // Человек и труд. – 2012. – № 3. – С. 64-68. (0,6/0,3 п.л.).

12. Морозова, Т. И. Специфика рефлексивных практик современной молодежи [Текст] / Т. И. Морозова, А. В. Стагнеева // Казанская наука. – 2012. – № 3. – С. 351-354. (0,4/0,2 п.л.).

13. Морозова, Т. И. Самоорганизующиеся процессы в молодежной среде [Текст] / Т. И. Морозова // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2012. – № 6. – С. 61-67. (1,0 п.л.).

14. Морозова, Т. И. Участие молодежи в общественных объединениях и политических партиях (статья) [Текст] / Т. И. Морозова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 2. – С. 194-198. (0,4 п.л.)

15. Морозова, Т. И. Социокультурная специфика самоорганизационных процессов в молодежной среде [Текст] / Т. И. Морозова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2012. – № 3. – С. 33-41. (1,0 п.л.).

16. Морозова, Т. И. Специфика формирования гражданственности у современной молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Глобальный научный потенциал. – 2012. – Вып. 10 (19). – С. 265-268.

Монографии:

17. Морозова, Т. И. Формирование социально-технологической культуры школьников в регионе : коллективная монография [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, Л. Я. Дятченко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – 168 с. (10,5/ 3,5 п.л.).

18. Морозова, Т. И. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии : монография [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, П. Н. Беспаленко, В. А. Воронов, Л. В. Готчина, Ю. А. Зубок и др. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. – 276 с. (17,3/1,2 п.л.).

19. Морозова, Т. И. Самоорганизация российской молодежи: препятствия и механизмы : коллективная монография [Текст] / В. П. Бабинцев, Т. И. Морозова, Е. В. Реутов. – Белгород : КОНСТАНТА, 2009. – 238 с. (14,88 / 4,96 п.л.).

20. Морозова, Т. И. Молодежные и детские общественные объединения Российской Федерации: история, современное состояние, перспективы развития : коллективная монография [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова, С. А. Худокормова, А. В. Стагнеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 199 с. (12/3 п.л.).

21. Морозова, Т. И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона : монография [Текст] / Т. И. Морозова. – Белгород : ИД «Белгород», 2012.

Статьи в профессиональных журналах и научных сборниках, доклады на конференциях:

22. Морозова, Т. И. Социально-технологическая культура региональной управленческой элиты [Текст] / Т. И. Морозова // Формирование управленческого кадрового потенциала в регионе : материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24 мая 2002 г. – Белгород, 2002. – С. 144-146. (0,2 п.л.).

23. Морозова, Т. И. Славянская молодежь: От интуитивно-иррационального мышления к технологической культуре [Текст] / Т. И. Морозова // Славянский мир и православие глазами молодых : материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 9-10 окт. 2002 г. – Белгород, 2002. – С. 152-153. (0,1 п.л.).

24. Морозова, Т. И. Военно-патриотическое воспитание молодежи – приоритетное направление деятельности БРОО «ФДПОО» [Текст] / Т. И. Морозова // В патриотизме молодежи будущее Белгородчины : сб. науч. ст. ; Упр. по делам молодежи Белгор. обл. – Белгород, 2003. – С. 46-49. (0,3 п.л.).

25. Морозова, Т. И. Особенности технологической культуры белгородских школьников [Текст] / Т. И. Морозова // Современные технологии социального управления : сб. науч. тр. ; БФ ОРАГС. – Белгород, 2004. – С. 107-114. (0,5 п.л.).

26. Морозова, Т. И. Российская молодежь: от интуитивно-иррационального мышления к технологической культуре [Текст] / Т. И. Морозова // Современные технологии социального управления : сб. науч. тр. ; БФ ОРАГС. – Белгород, 2004. – С. 115-124. (0,6 п.л.).
27. Морозова, Т. И. Социально-технологическая культура белгородских школьников [Текст] / Т. И. Морозова // Формирование и развитие потенциала гражданского общества и государственных институтов славянских народов путем инвестирования в физическое и духовное здоровье молодежи : VII междунар. молодежные «Славянские встречи», Белгород, 23-25 сент. 2004 г. : сб. док. и материалов. – Белгород, 2004. – С. 150-162. (0,8 п.л.).
28. Морозова, Т. И. Социально-технологическая культура школьников: социол. аспект [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Т. И. Морозова. – Белгород, 2004. – 24 с. (1,5 п.л.).
29. Морозова, Т. И. Духовная основа технологической культуры молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Иоасафовские чтения : материалы II междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 21-22 дек. 2004 г. – Белгород, 2004. – С. 183-186. (0,2 п.л.).
30. Морозова, Т. И. С возрастающей активностью работают на Белгородчине детские общественные организации [Текст] / Т. И. Морозова // В патриотизме молодых – будущее России : сб. ст. – Белгород, 2005. – С. 29-31. (0,2 п.л.).
31. Морозова, Т. И. Духовный фон процесса формирования социально-технологической культуры школьников в российском регионе [Текст] / Т. И. Морозова // Противодействие экстремизму в молодежной среде. Обеспечение духовной безопасности молодежи : материалы участников обл. конкурса науч. молодеж. работ и науч.-практ. конф., Ст. Оскол, 16 марта 2006 г. ; Упр. по делам молодежи Белгор. обл. – Белгород, 2006. – С. 29-40. (0,8 п.л.).
32. Морозова, Т. И. Защита социально-правового статуса школьников [Текст] / Т. И. Морозова // Планирование и организация практической работы с «трудными» подростками и молодыми людьми из групп социального риска, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, по активизации положительных качеств : сб. материалов из опыта работы. – Белгород, 2006. – С. 27-31. (0,3 п.л.).
33. Морозова, Т. И. Макросоциальные факторы формирования социально-технологической культуры молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Современная российская молодежь: от стихийной самоорганизации к целенаправленному формированию субъектности : материалы всерос. науч.-практ. конф., Белгород, 27-29 марта 2007 г. ; под ред. Л. Я. Дятченко. – Белгород, 2007. – С. 136-140. (0,3 п.л.).
34. Морозова, Т. И. Потребность молодежи в самоорганизации [Текст] / Т. И. Морозова // Становление и развитие системы эффективного противодействия экстремизму и обеспечения духовной безопасности в молодежной среде российских регионов / ред. кол.: П. Н. Беспаленко, Т. И. Морозова, Н. В. Хованская. – Белгород, 2007. – С. 24-27. (0,3 п.л.).
35. Морозова, Т. И. Самоорганизация как социальная потребность молодежи в обществе риска [Текст] / Т. И. Морозова // Органи влади та молодіжні громадські організації. Інноваційні рішення в молодіжній політиці : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., Харків, 26-27 червня 2007 р. / відп. ред. О. В. Кулініч. – Харків, 2007. – С. 100-103. (0,2 п.л.).
36. Морозова, Т. И. Повышение правовой культуры молодежи – приоритетное направление реализации системы мер государственной молодежной политики. Молодежный парламентаризм – механизм реализации молодежной политики, интересов молодежи через участие в выборах всех уровней [Текст] / Т. И. Морозова // Молодежь и выборы сегодня: перспективы, ожидания : материалы обл. науч.-практ. конф., 6-15 дек. 2006 г. – Белгород, 2007. – С. 54-61. (0,5 п.л.).
37. Морозова, Т. И. Волонтерское движение в молодежной среде России и региона: история, проблемы развития, основные принципы и направления деятельности. Система подготовки волонтеров, работающих по программе первичной профилактики наркотической

и алкогольной зависимости (брошюра) [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко, В. В. Линькова., Н. В. Хаванская. – Белгород, 2007. – 117 с. (7,3/1,8 п.л.).

38. Морозова, Т. И. Проблемы самоорганизации в общественном мнении белгородской молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Духовное здоровье молодежи российских регионов в контексте обеспечения ее духовной безопасности : док. и материалы науч.-практ. конф., Белгород, 28 марта 2008 г. / ред. кол.: П. Н. Беспаленко [и др.]. – Белгород, 2008. – С. 296-304 (0,6 п.л.).

39. Морозова, Т. И. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии : информ.-аналит. отчет по итогам социол. исслед. [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, Е. В. Реутов, И. В. Бояринова. – Белгород : Константа, 2008. – 132 с. (8,3/2,1 п.л.).

40. Морозова, Т. И. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, П. Н. Беспаленко // Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования. – Белгород, 2008. – 136 с. (8,5/2,8 п.л.).

41. Морозова, Т. И. Социокультурная рефлексия молодежи: между самоорганизацией и атомизацией [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, Е. В. Реутов // Молодежная галактика. – 2009. – № 5. – С. 46-57. (0,8/0,3 п.л.).

42. Морозова, Т. И. Особенности восприятия современной молодежью референтной среды [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев // Самоорганизация молодежи и гражданское общество в России : материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 17 апр. 2009 г. ; под ред. В. П. Бабинцева. – Белгород, 2009. – С. 54-59. (0,4/0,2 п.л.).

43. Морозова, Т. И. Ценностно-целевые установки белгородской молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Духовная безопасность молодежи в общественно-политическом и социальном пространстве современной России: основные стратегии развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 28 апр. 2009 г. – Белгород, 2009. – С. 100-105. (0,4 п.л.).

44. Морозова, Т. И. Организация подготовки специалистов по работе с молодежью в региональном университете [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев // Подготовка специалистов по работе с молодежью: проблемы и пути их решения : материалы Интернет-конференции ; ЯГПУ. – Ярославль, 2009. – С. 18-29. (0,8/0,4 п.л.).

45. Морозова, Т. И. Самоорганизация молодежи как форма социокультурной рефлексии (на материалах Белгородской области) [Текст] / Т. И. Морозова // Самоорганизация молодежи и гражданское общество в России : материалы междунар. науч.-практ. конф., 17 апреля 2009 г. – Белгород, 2009. – С. 130-137. (0,5 п.л.).

46. Морозова, Т. И. Ценностно-целевые установки белгородской молодежи (на материалах Белгородской области) [Текст] / Т. И. Морозова // Молодежь – позитивная сила развития российского общества : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 24-25 сентября 2009 г. – СПб., 2009. – С. 177-181. (0,4 п.л.).

47. Морозова, Т. И. Самоорганизация молодежи: институциональный аспект [Текст] / Т. И. Морозова // Молодежная политика и общественное развитие в России и ее регионах : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 10-11 декабря 2009 г. В 3-х ч.

48. Ч. III. – Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2009. – С. 179-185. (0,4 п.л.).

49. Морозова, Т. И. Молодежные организации в регионе: уровень доверия и представительство [Текст] / Т. И. Морозова // Молодежь и общество. – 2009. – № 4. – С. 110-118. (0,5 п.л.).

50. Морозова, Т. И. Областное государственное учреждение «Центр молодежных инициатив» [Текст] / Т. И. Морозова // Молодежь и общество. – 2009. – № 4. – С. 33-46. (0,9 п.л.).

51. Морозова, Т. И. Российская молодежь: между успехом и аутсайдерством [Текст] / Т. И. Морозова // Социализация и адаптация подростков и молодежи, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и освобождающихся из мест лишения свободы : материалы всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. П. Н. Беспаленко. – Белгород, 2009. – С. 99-111. (0,8 п.л.).

52. Морозова, Т. И. Проблема статусного самоопределения молодежи в России [Текст] / Т. И. Морозова // Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в условиях кризисных явлений : материалы междунар. науч.-практ. конф., 25 мая 2010 г. – Орел : Изд-во ОРАГС, 2010. – С. 117-119. (0,3 п.л.).

53. Морозова, Т. И. Статусное самоопределение молодежи в России: проблемность вопроса [Текст] / Т. И. Морозова // Подготовка кадров для молодежной политики в условиях инновационной стратегии развития страны и регионов : материалы IV всероссийской науч.-практ. конф., 3-4 июня 2010 г. – Новосибирск, 2010. – С. 112-122. (0,75 п.л.).

54. Морозова, Т. И. Проектирование развивающей системы формирования социально-технологической культуры школьников [Текст] / Т. И. Морозова // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста / под ред. проф. В. П. Бабинцева. – Белгород : КОНСТАНТА, 2010. – С. 159-167. (0,5 п.л.).

55. Морозова, Т. И. Досуг и молодежные субкультуры в Белгородской области [Текст] / Т. И. Морозова // Еврорегион: наука, образование, молодежная политика : материалы международного сборника научных трудов в рамках «Школы Межрегионального Приграничного сотрудничества». – Белгород; Харьков : «Ютек», 2010. – С. 81-84. (0,2 п.л.).

56. Морозова, Т. И. Issues of the European Youth Policy (статья на англ. языке) [Текст] / Т. И. Морозова, Ю. В. Коврижных., Л. Н. Шмигирилова // Еврорегион: наука, образование, молодежная политика : материалы международного сборника научных трудов в рамках «Школы Межрегионального Приграничного сотрудничества». – Белгород; Харьков : «Ютек», 2010. – С. 144-147 (0,4/ 0,06 п.л.).

57. Морозова, Т. И. Проектирование развивающей системы формирования социально-технологической культуры школьников [Текст] / Т. И. Морозова // Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста: сб. науч. трудов ; под ред. проф. В. П. Бабинцева. – Белгород : КОНСТАНТА, 2010. – С. 159-167.(0,5 п.л.).

58. Морозова, Т. И. Проблемы гражданской активности молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Формирование патриотизма в молодежной среде : сборник статей и методических разработок ; под ред. Т. А. Бочаровой, К. В. Харченко, Г. Н. Зеленской. – Белгород, 2010. – С. 10-14.(0,4 п.л.).

59. Морозова, Т. И. Развитие добровольческого движения в молодежной среде [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко, С. А. Худокормова // Сборник информационно-методических материалов ; под ред. П. Н. Беспаленко. – Белгород, 2010. – 71 с. (4,4/1,5 п.л.).

60. Морозова, Т. И. Тенденции развития общественных объединений детей и молодежи в современной России [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова // Межрегиональное приграничное сотрудничество : материалы международного сборника научных трудов в рамках школы «Межрегионального приграничного сотрудничества». – Белгород; Харьков : «Ютек», 2011. – С. 124-130. (0,4/0,2 п.л.).

61. Морозова, Т. И. Белгородская молодежь: участие в общественных объединениях и политических партиях [Текст] / Т. И. Морозова // Межрегиональное приграничное сотрудничество : материалы международного сборника научных трудов в рамках школы «Межрегионального приграничного сотрудничества». – Белгород; Харьков : «Ютек», 2011. – С. 118-124. (0,4 п.л.).

62. Морозова, Т. И. Ценностная система современной молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Актуальные проблемы социологии и организации работы с молодежью : сборник науч. трудов кафедры социологии и организации работы с молодежью ИГМУ НИУ «БелГУ». – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 3-11. (0,6 п.л.).

63. Морозова, Т. И. Молодежь и волонтерство [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко, С. А. Худокормова // Сборник информационно-методических материалов ; под ред. П. Н. Беспаленко. – Белгород : Константа, 2011. – 101 с.(6,3/2,1п.л.).

64. Морозова, Т. И. Гражданская активность молодежи [Текст] / Т. И. Морозова // Межрегиональное и приграничное сотрудничество : материалы международного сборника

научных трудов ; под общ. ред. проф. В. П. Бабинцева. – Белгород; Харьков : КОНСТАНТА, 2012. – С. 97-102. (0,4 п.л.).

65. Морозова, Т. И. Феномен самоорганизации в молодежной среде [Текст] / Т. И. Морозова // Роль органов местного самоуправления в формировании солидарного общества : материалы международной науч.-практ. конф., 5 июня 2012. – Белгород : Принт Мастер, 2012. – С. 140-146. (0,4 п.л.).

66. Морозова, Т. И. Отношение белгородской молодежи к участию в общественных объединениях и политических партиях [Текст] / Т. И. Морозова // Актуальные проблемы социологии и организации работы с молодежью : сборник науч. трудов кафедры социологии и организации работы с молодежью ИГМУ НИУ «БелГУ». – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – С. 151-156. (0,4 п.л.).

67. Морозова, Т. И. The relation of youth to public associations and political parties (on an example of the Belgorod region) Отношение молодежи к общественным объединениям и политическим партиям (на примере Белгородской области) (статья на английском языке) [Текст] / Т. И. Морозова // Глобальный научный потенциал. – 2012. – Вып. 10 (19). – С. 266-268. (0,25 п.л.).

68. Морозова, Т. И. Специфика процессов самоорганизации молодежи в регионе [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев // Социальные приоритеты молодежной политики : Всероссийская науч.-практ. конф. с международным участием, 22-23 ноября 2012. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. – С. 260-262. (0,3/0,15 п.л.).

Учебники, учебные и учебно-методические пособия

69. Морозова, Т. И. Формирование правовой культуры молодежи. Методические рекомендации [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко. – Белгород, 2002. – 54 с. (3,4 / 1,7 п.л.).

70. Морозова, Т. И. Проведение избирательной компании в молодежной среде. Методические рекомендации [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко. – Белгород, 2003. – 91 с. (5,7 / 2,9 п.л.).

71. Морозова, Т. И. Методическое пособие для клубов молодых избирателей [Текст] / Т. И. Морозова, П. Н. Беспаленко, Г. А. Борисов, Д. М. Лаптев, О. А. Шаталов, А. А. Трунов. – Белгород, 2005. – 200 с. (12,5 / 2,1 п.л.).

72. Морозова, Т. И. Планы семинарских занятий для студентов по курсу «Подготовка руководителя молодежного движения». Учебно-методическое пособие [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – 28 с. (1,8 / 0,9 п.л.).

73. Морозова, Т. И. Планы семинарских занятий для студентов по дисциплине «Поддержка и развитие массового молодежного движения». Учебно-методическое пособие [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2009. – 24 с. (1,5 / 0,8 п.л.).

74. Морозова, Т. И. Организация и прохождение практики. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 040104.65 «Организация работы с молодежью» [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова, С. А. Худокормова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 28 с. (1,7 / 0,6 п.л.).

75. Морозова, Т. И. Дипломная работа: написание, оформление, защита. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 040104.65 «Организация работы с молодежью» [Текст] / Т. И. Морозова, Ю. В. Коврижных, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 52 с. (3,3 / 1,1 п.л.).

76. Морозова, Т. И. Государственная молодежная политика Российской Федерации. Учебник [Текст] / Т. И. Морозова, В. П. Бабинцев, В. А. Сапрыка, И. В. Бояринова, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 229 с. (14,3 п.л.).

77. Морозова, Т. И. Дипломная работа: написание, оформление, защита. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 040104.65 «Организация работы с молодежью» [Текст] / Т. И. Морозова, Л. Н. Шмигирилова, А. В. Стагнеева. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 2-е изд, испр. и доп. – 52 с. (3,3 / 1,1 п.л.).

78. Морозова, Т. И. Курсовые работы. Подготовка. Оформление. Защита. Учебно-методическое пособие для студентов специальности 040104.65 и направления подготовки 040700 «Организация работы с молодежью» [Текст] / Т. И. Морозова, С. Д. Лебедев, И. И. Гуляев, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 2-е изд, испр. и доп. – 56 с. (3,5 / 0,9 п.л.).

79. Морозова, Т. И. Реализация государственной молодежной политики в зарубежных странах. Учебник [Текст] / Т. И. Морозова, В. А. Сапрыка, С. А. Худокормова, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 193 с. (12,1/3 п.л.).

80. Морозова, Т. И. Словарь для студентов специальностей и направлений подготовки «Социология» и «Организация работы с молодежью» [Текст] / Т. И. Морозова, А. В. Стагнеева, С. А. Худокормова, Л. Н. Шмигирилова. – Белгород, 2012. – 112 с.

Подписано в печать 18.04.2013. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ 164.

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород»

308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

